

Сказка про Емелю

Основано на издании 1913 г

Автор адаптации: Ольга Комарова

Данный текст, а также оригинал сказки доступны для просмотра по следующему адресу:

gusi-lebedi.org/content/skazka_pro_emelyu/

Друзья! Мы вкладываем в наш сайт свою душу и огромное количество времени. Поэтому мы будем рады, если вы сохраните все ссылки в документе, а также расскажете о нас своим друзьям.

Команда gusi-lebedi.org

Сказка про Емелю

Жил в одной деревне старик, и было у него три сына: двое умных, а один дурачок по имени Емеля. Вот позвал как-то отец наследников своих да говорит:

— Детки мои любезные, недолго уж мне осталось на белом свете жить, стар я стал да немощен. Как придёт смерть, предайте тело моё земле да разделите всё имущество да триста рублей, что в сундуке лежат, поровну.

Пообещали сыновья, что так и сделают. Умер старик, устроили дети ему похороны достойные, погоревали, а потом принялись наследство делить. Старшие братья-то давно женаты были, а младшенький больно уж умом слаб – кто за такого пойдёт? Целыми днями Емеля на печи лежал да в потолок поплёвывал, никакой от него помощи! Да ведь на улицу-то не выгонишь – жалко простофилю, совсем пропадёт. Взяли старшие братья отцовские сбережения и собрались на ярмарку. Говорят они младшенькому:

— Мы на все деньги, что нам батюшка оставил, товар купим, а тебе красный кафтан, красную шапку да красные сапоги привезём. Ты же дома оставайся, толь-

ко без дела не сиди, жёнам нашим помогай: всё, что тебе невестки велят, тот и делай. И так уж подарки обещанные дурачка пленили, что пообещал он во всём хозяйкам повиноваться, все задания их выполнять. Уехали братья, а Емеля на печь забрался да принялся мух считать: до трех досчитал, а дальше и не может. Невестки же тем временем по хозяйству хлопочут: в избе прибирают, обед готовят. Говорят они деверю:

— Принеси-ка, Емелюшка, воды!

А дурачок им с печи в ответ:

— Ну, вот ещё, была охота! Вам надо, вы и принесите!

— Да ты что? На улице мороз трескучий, река таким льдом толстым покрылась, что только мужик сможет прорубь проломить!

— А я ленюсь!

Рассердились тут невестки:

— Ах, ты ленишься? А щи уплетать за обе щеки ты не ленишься? Не принесёшь воды, так останешься без еды!

— Ну и ладно, буду голодать, – насупился Емеля да к стенке отвернулся.

— А вот нажалуемся мы мужьям, и не привезут они

тебе ни кафтана, ни шапки, на сапог!

Как услышал Емеля, что подарков может лишиться, сразу с печи слез, тулуп да валенки натянул, взял лом, вёдра с коромыслом и отправился к реке. Прорубил он прорубь, набрал воды, только собрался домой возвращаться, как заметил в лунке щуку. «Вот славная уха будет!» – подумал Емеля, изловчился да поймал рыбину. Сунул её за пазуху, а щука вдруг говорит человеческим голосом:

— Ты зачем меня, добрый молодец, из реки вытащил?

— Как это зачем? – удивился дурачок. – Сварят мои невестки из тебя уху.

— Не губи меня, Емелюшка, отпусти! Любое твоё желание исполню!

— Ой, да болтай больше! – не поверил паренёк.

— Проси чего хочешь! – умоляет щука.

Почесал Емеля затылок, решил рыбину испытать:

— Ну, сделай тогда так, чтобы вёдра сами в деревню пошли! Только аккуратно, воду не расплёскивая!

— Не бойся, не расплескают! Скажи: «По щучьему веленью, по моему хотенью ступайте вёдра сами до дома!»

Только паренёк эти слова повторил, как вёдра вместе с коромыслом тут же приподнялись да в сторону деревни отправились. Подивился Емеля, стал у щуки выпытывать:

— И что, так теперь всегда любое моё желание исполняться будет?

— Конечно, всегда! – пообещала рыбина. – Только слова волшебные не забудь.

Отпустил парнишка щуку в прорубь да за вёдрами поспешил. Увидали соседи такое чудо, аж дар речи потеряли. А Емеля вслед за вёдрами в избу вошёл и снова на печку залез. На следующий день говорят невестки деверю:

— Что ты всё лежишь, бока отлёживаешь? Скоди-ка во двор дров наколи!

А дурачок им в ответ:

— Да на что нам дрова-то?

— Как на что? – удивились хозяйки. – А чем избу топить-то? Ты что, не чувствуешь, что печка остыла?

— Неохота мне! Сами наколите!

— От твоей лени мы все замёрзнем!

— Ну и что!

— А вот нажалуемся мы мужьям, и не привезут они

тебе ни кафтана, ни шапки, на сапог!

Испугался Емеля, что подарков может лишиться, отвернулся к стене и прошептал тихонько:

— По щучьему веленью, по моему хотенью поди-ка, топор, на двор да наколи дров, а вы, дрова, сами в избу придите.

Только он эти слова сказал, как топор из избы выскочил и ну дрова колоть! А дрова тут же сами в дом вошли да у печки улеглись. С тех пор каждый день стал Емеля топор на двор посылать, а тот дрова колоть. Дивятся невестки, а понять, как это у деверя всё так ловко получается, не могут. Стали они парнишку расспрашивать, а тот-то хоть и дурачок, да смекнул, что нельзя щукин секрет выбалтывать. Молчит, словно рыба, только тихонечко посмеивается. Вот прошла неделя, другая, закончились все запасы во дворе, говорят хозяйки лентяю:

— Поезжай-ка, Емеля в лес, наруби ещё дров, а то колоть уж нечего.

— Неохота мне! Сами езжайте! – отвечает Емеля.

— Да разве женское это дело – в такой мороз по лесу шастать?

— А я ленюсь!

— Ну, раз ленишься, не видать тебе ни кафтана, ни шапки, ни сапог!

А парнишке-то ой как не хочется без подарков оставаться! Пришлось ему с печи слезать, сани из сарая доставать да за дровами отправляться.

— Эй, отворите-ка ворота! – кричит паренёк невесткам.

А те смеются:

— Да как же ты, дурачок, поедешь? Ты же лошадь не запряг!

— Не надо мне никакой лошади, я и так домчусь!

Отвернулся он да прошептал тихонько:

— По щучьему веленью, по моему хотенью езжайте-ка, сани, в лес сами!

Только он эти слова произнёс, как незапряжённые сани выехали из ворот и помчались через город в сторону леса. Смотрят люди, дивятся: как это сани едут сами? Кто не успел отскочить, того зашибло, а кто успел, стал Емеле вслед кулаками грозить да бранными словами на чём свет стоит паренька крыть. Только дурачок внимания ни на кого не обращает, о том, чтобы люди с дороги посторонились, не предупреждает – знай себе едет да посмеивается! Вот добрался он до ле-

са и говорит:

— По щучьему веленью, по моему хотенью нарубика топор дров, а вы, дрова, сами в сани складывайтесь да веревками перевязывайтесь!

Тут же пошёл топор по лесу гулять, дрова рубить, а они сами в сани запрыгивают да в вязанки укладываются. Как заполнился воз, велел Емеля топору дубинку срубить поувесистей, а потом уселся в сани да приказал домой возвращаться. Только въехали сани в город, как остановила их толпа. Мужики дурачка на землю стащили и ну давай его колошматить, за то что он столько народа зашиб. Изловчился паренёк, прошептал тихонько:

— По щучьему веленью, по моему хотенью, намника, дубинка, обидчикам моим бока!

Не успели мужики опомниться, как пошла дубинка по их спинам гулять, да так раздухарилась, что вся толпа по своим избам разбежалась. Вернулся Емеля домой да снова на печь залез. Лежит себе, посмеивается, а в городе только и разговоров, что о парнишке, который на санях незапряжённых ездит, честной народ давит, а потом его дубинка всех лупит. Как дошли те слухи до царя Дормидонта, захотел он сам на такое чу-

до посмотреть. Отправил своего приближённого с солдатами в деревню, велел паренька разыскать да во дворец доставить. Явился царедворец в избу к Емеле да приказывает:

— Собирайся-ка, олух! Поедешь со мной во дворец!

— Ну, вот ещё! – отвечает дурачок. – Была нужда с печи слезать! Мне и тут хорошо!

— Ах ты, грубиян! – рассердился царский посланник и как треснет паренька палкой по спине.

Чувствует Емеля, что плохо ему придётся, отвернулся к стене да прошептал тихонько:

— По щучьему веленью, по моему хотенью намника, дубинка, обидчику моему бока!

Не успел царедворец и слова вымолвить, как пошла дубинка его охаживать. Бросился он во двор, а дубинка за ним, заодно и солдат отлупила. Делать нечего: отправился посланник вместе с охраной во дворец ни с чем, доложил царю о парнишке непокорном. Стал государь думать да гадать, как же ему со смутьяном совладать. Позвал он тогда самого умного своего советника да велел ему коли силой не получается, так хитростью Емелю во дворец заманить. Приехал советник в ту деревню, где Емеля жил, да прямиком к старосте:

— Подскажи-ка, любезный, как упрямца к царю доставить?

А староста отвечает:

— Не любит Емеля наш, когда на него кричат да приказывают. Нравится дурачку, когда его уговаривают, ласковыми словами называют да гостинцами задаривают. Раз попросишь – откажет. Второй попросишь – снова откажет. А на третий раз попросишь, да ещё подарочек если вручишь, то повздыхает он, покряхтит да сделает.

Накупил тогда царский советник изюма, чернослива, мочёных яблок да пряников и отправился к пареньку на поклон.

— Ну, здравствуй, Емелюшка! Что это ты всё на печи лежишь? Спускайся ко мне, сделай милость! Я тебе гостинчиков принёс!

— Ну, вот ещё, – отвечает дурачок, – мне и тут хорошо! А гостинцы свои сюда подавай, на печи лакомиться буду.

Отдал советник ему подарки, да снова стал уговаривать:

— Поехали, Емелюшка, со мной во дворец!

А парнишка лежит на печи, пряниками похрустыва-

ет, изюмом закусывает да с набитым ртом отвечает:

— Нет, не поеду, мне лень!

— Поедем, Емелюшка, сделай милость! – не унимается советник. – А государь-батюшка тебе за это красную рубашку с красным кушачком подарит!

Тут же глаза у лентяя загорелись, соблазнился он обещаниями и говорит:

— Ладно, так уж и быть, съезжу я к царю. Только в сани твоя не сяду. Ты сам возвращайся, а я следом за тобой.

Почесал советник затылок да спрашивает невесток:

— А что, бабоньки, можно ли деверю вашему верить?

— Не сомневайся, мил человек, – отвечают хозяйки. – Уж коли Емеля пообещал, то обязательно выполнит.

Уехал советник, а лентяй лежит да канючит:

— Ой, как же неохота с тёплой печечки слезать, на мороз выбираться!

Потом отвернулся к стенке да прошептал тихонько:

— По щучьему веленью, по моему хотенью вези-ка, печь, меня сама во дворец!

Затрещала тут изба, заскрипела, печь с места сдви-

нулась, во двор выбралась да понеслась так быстро, что обогнала советника да быстрее его до столицы добралась. А там уж царь вместе с министрами Емелю встречают.

— Скажи-ка мне, глупый ты человек, почто столько народа передавил, когда в лес за дровами ездил? – спрашивает строго государь.

— А я не виноват! – отвечает дурачок. – Они сами должны были мне дорогу уступить!

В это время выглянула из своего терема царевна Марья. Как увидел её Емеля, так и ахнул. Отвернулся он да прошептал тихонечко:

— По щучьему веленью, по моему хотенью пусть полюбит меня царская дочка!

Только он эти слова произнёс, как тут же его желание и исполнилось: глянула Марья на дурачка да влюбилась в него без памяти. А паренёк опять отвернулся и шепчет:

— По щучьему веленью, по моему хотенью вези, печка, меня домой!

Тут же печь в деревню помчалась да встала в избе на прежнем месте. Снова лежит себе Емеля, в ус не дует, все его желанья по щучьему веленью исполняются. А

во дворце настоящий переполох: влюблённая царевна не ест, не спит, с утра до ночи слёзы льёт да умоляет отца с пареньком, что на печке приезжал, её обвенчать. Государь себе места от досады не находит: где же это видано, чтобы царская дочь за дурачка замуж выходила? Велел он тогда своему советнику вместе с солдатами Емелю к нему доставить, да чтоб без всяких печей да саней самоходных! Помнит царский посланник, что паренёк на гостинцы падок: накупил ему всяких сладостей да прихватил пару бутылок вина крепкого. Стал советник дурачка угощать, в чарочку спиртного подливать. Захмелел Емеля, свалился под стол и там заснул. Связали тогда его солдаты, во дворец доставили. А царь велел парнишку вместе с дочерью своей влюблённой посадить в дубовую бочку, засмолить её да в море бросить.

Вот плывут Емеля с Марьей по волнам: царевна рыдает, а ненаглядный её знай себе похрапывает. Наконец, проснулся он, ничего не поймёт.

— Где это я? – спрашивает.

— Батюшка велел нас с тобой в бочку посадииииить да по морю пустиииииить – всхлипывает Марья.

— А тебя-то за что? – удивился паренёк.

— Да за то, что я тебя всем сердцем полюбилаааааа, обвенчать нас с тобой просилаааааа.

— Ладно, не реви! – говорит Емеля.

Отвернулся он и зашептал тихонько:

— По щучьему веленью, по моему хотенью выброси нас, море, на берег да сделай так, чтобы мы смогли из бочки выбраться!

Не успел он эти слова произнести, как тут же поднялись волны высокие и выкатили бочку на остров. Выбрались из неё Марья с Емелей, косточки затёкшие разминают, по сторонам оглядываются. А вокруг красота такая, что и словами не передать: солнышко яркое светит, птички голосистые поют, цветочки яркие пестрят, травка-муравка шёлковым ковром стелется, плоды наливные на деревьях румяными бочками поворачиваются.

— Как же мы, Емелюшка, будем жить под открытым небом? – спрашивает царевна. – Надо бы хоть шалашик какой-нибудь построить!

— Зачем? – удивляется дурачок. – Мне и так хорошо!

Стала царская дочка ненаглядного своего уговаривать, ласковые слова на ушко нашёптывать. Растаяло

Емелино сердце, отвернулся он да прошептал тихонько:

— По щучьему веленью, по моему хотенью пусть поднимется на этом острове дворец всем на диво да чтоб с прислугой! А от дворца того пускай идёт хрустальный мост прямо к царскому поместью!

В ту же секунду желание его было исполнено. Смотрит на паренька царевна, улыбается. Залюбовался Емеля: уж такая Марья красавица, что глаз не отвести! Посмотрел он тогда на ноги свои грязные да рубаху рваную, потрепал рукой вихры непокорные и снова зашептал:

— По щучьему веленью, по моему хотенью пусть стану я умным да красивым!

Только он эти слова произнёс, как тут же превратился в доброго молодца всем на диво. Позвал тогда Емеля слугу и приказывает:

— Поезжай к царю Дормидонту да скажи, что сосед его в гости зовёт. Только о том, кто я таков, не сказывай!

Отправился посланник к государю, передал приглашение.

— А кто же твой господин? – спрашивает Дорми-

донт.

— О том мне говорить не велено, – отвечает слуга.

Подумал царь, подумал да решил ехать. Прибыл он по хрустальному мосту на чудесный остров. Провели го в роскошные палаты. Вышел навстречу государю добрый молодец в красивой одежде да спрашивает:

— Ну что, царь-батюшка, не узнаёшь меня?

— Нет, не узнаю, – отвечает Дормидонт.

— А помнишь ли ты того дурачка, что на печи к тебе приезжал? Вот я он самый и есть!

Как услышал царь эти слова, сразу побледнел, задрожал, прошептал трясущимися губами:

— А где же доченька моя ненаглядная?

Вышла тут Марья-царевна, взяла Емелю за руку и говорит:

— Не хотел ты меня, батюшка, за глупого простолюдина замуж отдавать, а он, видишь, каким умным да богатым красавцем стал!

Бросился Дормидонт на колени, стал у дочки с женихом прощения просить.

— Да ладно уж, кто старое помянет – тому глаз вон, – сказали Марья с Емелей.

А на следующий день сыграли они свадьбу разве-

сёлую, стали в мире да согласии жить-поживать и добра наживать.